

Я ходил из угла в угол, а Ши Ичжи лишь вздыхал. Наконец я не выдержал: «Скажи на милость, чего ты добиваешься? Брак-то подходящий, все вокруг завидуют, а ты брезгуешь!»

Ши Ичжи нахмурился: «Игры — это одно, а жениться нужно на любимой».

Вот это да! Не ожидал, что этот повеса Ши Ичжи окажется романтиком! Меня заинтриговало, и я, понизив голос, спросил: «Так у тебя есть возлюбленная? Что ж ты, брат, мне не сказал? Если бы знал раньше, мог бы и через стену перелезть, разузнать всё. Ну, говори, кто она? Из бедной семьи? Или, наоборот, знатная, и родители твои не одобряют? А может... юноша?»

Уголок губы Ши Ичжи дёрнулся: «Я одно слово сказал, а ты уже целую телегу нагородил».

Я усмехнулся: «Всё-таки кто?»

«В общем, не мисс Хэ».

Ц-ц-ц, стесняется! Я на мгновение задумался, затем хлопнул в ладоши: «Ладно, мы с тобой оба люди верные, помогу».

Ши Ичжи тут же просиял: «Жаль, что у тебя нет сестры. Был бы — женился бы, наши семьи породнились бы ещё крепче».

Мечтатель! Кто такой Ши Ичжи, другим, может, и невдомёк, а я-то знаю. Слава богу, у меня нет сестры! С облегчением я сложил руки и от всего сердца произнёс: «Слава богу, нет у меня сестры, а то бы угодила она в твои лапы...»

Ши Ичжи замахал веером быстрее: «Ц-ц, забудь! И хорошо, что нет, а то если бы вышла на тебя похожей — мне бы только убыток!»

Ну и человек!

Понял я наконец: так же, как солнце с запада не взойдёт, а матушка мне сестру не родит, — в перепалках со Ши Ичжи взять верх не выйдет. Сдался я: «Хватит болтать. Говори, как помочь».

Ши Ичжи принял серьёзный вид: «Всё просто. Бить надо в самое уязвимое. Сделай так, чтобы мисс Хэ сама отказалась от этой свадьбы».

Логика ясна, но я долго ломал голову и не мог придумать, как заставить мисс Хэ, которая из дома-то редко выходит, пойти против отца. С любопытством взглянул я на Ши Ичжи.

Тот усмехнулся: «Я всё разузнал. Второй сын старшего советника Академии Ханьлинь, Фан Юань, влюблён в мисс Хэ, да встретиться не может. Ты искусен в боевых искусствах, помоги ему под покровом ночи пробраться в дом Хэ, чтобы они... ну, чтобы дело было сделано».

Чёрт, да он же бессовестный! На подлости я не пойду. Замотал головой: «Нет, нет, репутация девушки — не игрушка. Ты говоришь, Фан Юань влюблён, а я и не знаю, каков он собой, человеком или скотиной. Вдруг окажется никудышным? Тогда я стану пособником зла».

«Какие сложности!» — Ши Ичжи закатил глаза. — «Разве я похож на того, кто других топит, чтобы самому выплыть?»

Я сухо рассмеялся: «А разве нет?»

Ши Ичжи вздохнул: «Успокойся. Мисс Хэ тоже к Фан Юаню не равнодушна. Просто их семьи в

ссоре, вот и мешает это им. Мы же с тобой доброе дело сделаем».

Бывает и так? Я был поражён, но тут же вспомнил о Се Цзине. Честно говоря, всякий раз, как подумаю о нём, сердце будто переворачивается. Три года назад он был таким изящным юношей, а теперь... Столица — не место для хороших людей. Если бы я не пропал всё время в походах, не дал бы государю меня опередить. Я бы уж точно постарался, чтобы Се Цзин меня любил.

Если бы Се Цзин любил меня... Если бы он был девушкой, я бы тоже «рис сварил», будь что будет, хоть мы и из враждующих семей.

Ши Ичжи вдруг кашлянул: «Мысли у тебя опасные».

Чёрт, задумался и проговорился вслух — если бы Се Цзин был девушкой, я бы тоже «рис сварил».

Стало неловко. А вспомнив, что Се Цзин уже «сварил рис» с государем (хотя тот и не ведает), я и вовсе приуныл. Поникнув головой, пробормотал: «Ладно, хватит. К делу. Когда действуем?»

Ши Ичжи снова замахал веером: «Через пять дней. Министр Хэ с супругой уедут по делам в родные края, мисс Хэ одна останется. Я с Фан Юанем договорюсь, пусть ждёт тебя у боковых ворот дома Хэ. Шэньли, момент идеальный!»

И откуда Ши Ичжи так хорошо ведомы все эти дворцовые сплетни? Вспомнил я, что Се Цзин — человек императора, и понял: в столице все не простые. Гляжу на Ши Ичжи — и всё подозрительнее он мне кажется: «Ши Ичжи, у тебя что, в столице свои люди?»

«Где уж мне!» — Ши Ичжи улыбнулся, и во взгляде промелькнула игривая искорка. — «Про Фан Юаня и мисс Хэ я от девушек в башне Ваньюэ узнал. Старший брат Фан Юаня — завсегда там, особенно с одной из них, Инъин, близок. А что мисс Хэ к Фан Юаню равнодушна, так и вовсе случайно вышло — на празднике фонарей несколько месяцев назад я её фонарик на берегу подобрал, молитву прочитал».

«Сердце моё полно чувств, к юноше из семьи Фан лежит. Пусть старец-сваха смилостивится, да соединит нас, да будем мы, как утки-юаньян, неразлучны».

Иероглиф «юань» из «уток-юаньян» она на «Юань» из имени Фан Юаня заменила. Если мисс Хэ — это «ян» (самка), то её «юань» (самец) — определённо Фан Юань.

Дела шли одно за другим. Едва я Ши Ичжи выпроводил, как из дворца гонец явился: государь меня к себе требует.

Судя по прошлому опыту, вызов к государю редко к добру. С тех пор как с юга вернулся, вызывал он меня трижды. Первый раз — на пиру в честь моей победы. Государь, пьяный, меня с дядей перепутал, за рукав таскал, а наутро меня же как заговорщика в темницу бросили. Второй раз — вскоре после помилования. Государь и от охраны дворцовых ворот меня отстранил, домой отправил, чтобы без дела не кис. Третий раз — когда настоящего заговорщика поймали. Государь у меня на глазах холодно как заколол его ножом, что тот полуживой остался.

Нынче — четвёртый. Всю дорогу трясло меня, душа в пятки ушла, как бы государь опять чего не выкинул.

И точно, не к добру. Сидит государь, в руке лоскут ткани теревит, смотрит на меня, а в глазах насмешка — словно трёхлетний дитя игрушку новую увидал, или кот матёрый мышь поймал. Взглянул ещё раз на лоскут и медленно так говорит: «Как тут не злиться? Целыми днями дома сидишь, с птицей гуляешь, музыку слушаешь — любой бы взбеленился. Говорю тебе, лучше на поле боя под ударами мечей пасть, чем здесь, в четырёх стенах, задохнуться...»

Слова эти государь очень медленно произносил. У меня в голове пусто стало, а когда до меня дошло, что это мои же вчерашние речи, — ноги подкосились, с размаху на колени рухнул: «Государь, позвольте объяснить!!!»

Государь развалился в кресле, безразлично молвил: «Ну, объясняй».

«Государь, это...» — слова застряли в горле. Поднял голову, встретил его насмешливый взгляд — и все заранее придуманные оправдания назад просятся. Да и что объяснять? Государь мои вчерашние слова слово в слово повторил, чего уж он не знает? Не зря Шэн Дайчуань ничего не добился — хвост припрятать не сумел, сам виноват, что его подставили.

Я вздыхал, а государь в кресле сидел, с явным удовольствием слушал. Потом тихонько рассмеялся: «Что ж не объясняешь?»

Тишина. Лицо горит. Я, нервно кашлянув, пробормотал: «Государь, у меня и в мыслях не было измены».

«А вот теперь мне надо, чтобы было». — Государь шею несколько раз повертел, под глазами тени, словно не выспался. — «Раз уж роптать начал, хорошо, очень хорошо».

От этих «хорошо» меня в дрожь бросило. Робко поднял голову: «Государь, клянусь, нет у меня дурных мыслей!»

«Знаю». — Чуть не расплакался я от умиления. Государь помолчал, продолжил:

— «Но Шэн Дайчуань не знает. Ты должен заставить его поверить, что они у тебя есть».

<http://bllate.org/book/15934/1423871>